

ДНЕВНИК
ЛЕНЫ
МУХИНОЙ

Лене Мухиной - 17 лет, они живут вдвоём с приёмной мамой (родная серьёзно больна). Лена влюблена в одноклассника Вову, полна жизни и строга к себе: «Милый мой бесценный друг, мой дневник. Только ты у меня и есть, мой единственный советчик. Тебе я поведаваю все мои горести, заботы, печали. А от тебя прошу лишь одного: сохрани мою печальную историю на своих страницах, а потом, когда это будет нужно, расскажи обо всём моим родственникам, чтобы они всё узнали, конечно, если они этого пожелают».

Удивительно, но родственники никогда не слышали от повзрослевшей Елены Владимировны о тех днях, что она провела в блокадном Ленинграде...

Родственники Лены и сейчас живут в Москве, где до 1991 года в одиночестве жила и сама Мухина. «После того как обрываются записи в её дневнике, Елена Владимировна эвакуировалась в Горький, - рассказывает её двоюродная племянница Татьяна. - Вернулась в Ленинград осенью 1945 года, закончила художественное училище, потом её поносило по свету: она ездила и на целину, и работала на гидроэлектростанции в Сибири». В начале трудового пути создавала по своим эскизам зеркала на Ленинградской зеркальной фабрике, в конце - трудилась на Кунцевском мехзаводе. Не было ни своего жилья, ни семьи. Вышла на пенсию рано, по инвалидности. Болела - душой. Попадала в больницы. «Может быть, блокада так подорвала её психическое здоровье... Она была чрезвычайно скрупулёзна, педантична. В её квартире везде были расклеены «таблички» с напоминаниями, перебранная крупа была отмечена особо, на неперебранной был свой знак. Елена Владимировна жила очень замкнуто и бедно. Единственной её отрадой была влюблённость в Муслима Магомаева. Во времена, когда купить телевизор было практически невозможно, она откладывала деньги на эту покупку, чтобы смотреть кумира по ТВ. Ездила за ним по гастролям, тратилась на билеты... В какой-то момент она даже смотрела за дочкой семьи друга Магомаева, и ей «перепадали» какие-то вещицы, связанные с певцом: я помню бережно ею лелеемую его шариковую ручку...»

Умерла Лена Мухина на больничной койке, от рака. Её печальную историю сохранил дневник, в 1962 году - так и неизвестно, какими тропами, - попавший в Центральный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (тогда партийный архив Ленинградской области), где хранится ныне, и опубликованный в 2011 году издательством «Азбука-Аттикус». «Собственно, дневник - это единственное, что было у автора, - сказали на презентации книги составители первого издания дневника, - самое яркое из того, что с ней случилось».

23 июня 1941 года. Утром сказали долгожданную сводку. С 4-х часов утра 22-ого июня 1941 года регулярные войска Гитлера перешли нашу границу и стали углубляться на нашу территорию. Крупные соединения германских бомбардировщиков сбросили бомбы на мирные города и села нашей страны; но уже в 6 часов германцы столкнулись с регулярными частями Красной Армии. (...) Только в некоторых пунктах гитлеровцы продвинулись и захватили небольшие города и селения в 30-40 километрах от границы.

Германские бомбардировщики совершили налеты на города и села нашей родины, но везде их встретили наши истребители и огонь зениток. Сбито по всему фронту 65 германских бомбардировщиков.

Английское командование и генерал Черчилль заявили, что сделают все возможное, чтобы помочь русским, а им помогут США. Гитлер просчитался, он думает, что до наступления зимы он справится с Советским Союзом и тогда расправится с Западной Европой окончательно.

Но он просчитался, мы будем бить врага и днем и ночью с умноженной силой. Мы сделаем все, чтобы помочь русской стране. Мы все сделаем, чтобы спасти человечество от тирании. С самого утра у нас на дворе и на чердаке началась работа. На дворе строят спешно газозубежище, которое будет занимать все помещение подвала. На чердаке разрушают все перегородки, клетушки. Ведь они деревянные, и если на чердаке будет пожар от бомбы, то эти клетушки будут прекрасным горючим материалом. (...)

28 июня. В 4 часа утра был дан сигнал В. Т. Пошли в подвал. Но весь почти дом не пошел, а остался на месте. В 5 часов был дан отбой. Мы вышли на улицу, косые яркие лучи солнца мощным потоком били из-за Владимирской колокольни. Ярko горели на солнце многочисленные аэростаты воздушного заграждения. Было так красиво, что не хотелось идти домой. Проехал грузовой трамвай, нагруженный бидонами с молоком и ящиками с бутылками с молоком. Так хорошо, так радостно на душе. Так спокойно.

1 июля. Уже 3 дня, как идет эвакуация детей. Каждое утро (...) едут в автобусах на вокзал дети от 1 года до 3 лет и старше. Всем очень тяжело. На сто человек прикрепляются 1 руководитель и 1 нянька. Сегодня уезжают Грета, Ира и Женя. Ревек[к]е Григорьевне посчастливилось, она уезжает в качестве руководителя. Налетов не было уже два дня. По

радио рассказывают боевые эпизоды, говорят о бдительности, о борьбе с болтливостью, часто напоминают о том, что город Ленинград находится на военном положении, учат, как себя надо вести во время налета, как тушить зажигательные.

Вышли указы об обязательной трудовой повинности, об обязательной сдаче населением всех радиопередающих установок, чтобы ими не мог воспользоваться враг. А врагов у нас в тылу достаточно. Воздушные десанты являются излюбленным приемом врага. Он сбрасывает их в огромном количестве, но благодаря бдительности советских граждан, колхозников, трудящихся большинство их уничтожается в момент приземления. Остальные же вылавливаются нашими специальными истребительными отрядами работников НКВД совместно с трудящимися. Но много еще их не выловлено. Они разгуливают по нашим городам в форме работников милиции или в штатском. Задание этим парашютистам-диверсантам: найти нужные сведения, взорвать важнейшие пункты, поджечь колхозы, распустить ложные слухи, устроить панику, завербовать новых агентов, повредить радиосеть, телеграф, телефон.

Среди них имеются и женщины. По поводу этих шпионов по городу бродят различные нелепые слухи, толки вроде таких, что на Невском недавно приземлились два самолета противника... (...)

5 июля. Немцы подходят к Смоленску, несмотря на то что несут тяжелые потери. В Москве и Ленинграде создается народное ополчение. Недавно по радио выступал Сталин. По улицам проходят отряды добровольцев.

Вчера была у Вовы. Какой он хороший, молодой, здоровый, жизнерадостный. Мечтает перебраться на Карельский перешеек. Без конца острит. Как я его люблю.

Сегодня 3 часа (с 12 до 3) разгружала баржу с кирпичом. Это трудовая повинность. Работа нетрудная. Только обидно, что работаешь бесплатно.

Скоро поступлю куда-нибудь работать. Пора. Надо помогать маме.

За границей растут ненависть к фашизму и симпатия к нам, к моей великой родине.

Эх, Вовка! Я бы все отдала, чтобы видеть тебя каждый день, все время. Строки не могут изобразить то чувство, которое я к нему питаю. Не выразить словами. А выразить так хочется. Только сердце может это выразить!!! (...)

Женщине, которая вырастет из этой девочки, выпадет на долю одиночество.

Школьный снимок 41-го года. Лена - третья слева в верхнем ряду. Идёт война, она влюблена и уже в этой детской любви одинока.

Фото на странице - из семейного архива Т. С. Мусиной.

25 августа. (...) Я почти все свободное время проводила с Тamarой. Заберемся мы с ней на холм, что напротив школы, и начинаем петь песни, какие только в голову придут. Или размышляем, что такое любовь, как объяснить иными словами слово наивность. (...)

29 августа. Сегодня мне мама Лена открыла страшную истину. Сегодня она решила сказать мне, что моей мамы нет в живых. Я еще не верю. До моего сознания не дошло это. Но я уже чувствую, что пустота одиночества наваливается на меня. Никакими словами невозможно передать, как мы друг друга любили. Только родные дочь и мать могут так любить друг друга. (...)

Моя рука дрожит. Сердце трепещет в груди. Ее не стало еще 1-ого июля. 1 июля 1941 года, во время кровавой войны с немцами скончалась ты на 44 году жизни, и я даже не знаю подробностей твоей смерти. Моя мама, моя любимая, бесценная мама. Тебя уже нет в живых. Как я могу пережить это. Сердце надывается. Так вот он, первый удар, который наносит мне судьба. Я вся дрожу. Мне страшно. Я сейчас побегу к Тamarе.

Мне хочется бежать к Вовке. Я не хочу оставаться дома. Мне все противно. (...)

Как бы я хотела иметь любимого, чтоб в это грозное время мы дали бы друг другу клятвы, что, если останемся живы, через несколько лет соединим свои жизни навсегда.

О, лишенько! Как мне больно. Теперь, когда нет на свете родной мамы, мне так хочется, чтоб меня любили. (...)

10 сентября. Еще только 11 часов утра, а уже было 3 В. Т. Я теперь каждый раз хожу в бомбоубежище. Одеваюсь в зимнее, надеваю галоши и беру с собой мой маленький чемоданчик. Я теперь с ним не расстанусь до окончания войны, у меня там чистая тетрадь, Вовин портрет, деньги, 2 носовых платка, бутылка с чаем, хлеб и этот самый дневник. На крышке чемодана, внутри, я написала свой телефон и адрес, если что со мной случится, можно будет сообщить домой. Вот сейчас тревоги нет, а слышно, как бьют зенитки.

Боже, как наш город кишит врагами. Сколько уже выловили ракетчиков, и все-таки, как только ночной налет, предательские ракеты, выпущенные неуловимым врагом, показывают цель для бомбометания. Вот многие люди, которые вчера во время налета были у ворот, на чердаке, на крыше, говорили, что над местом, где находится банк (на Фон-

танке), Витебский вокзал и другие важные объекты, до тех пор вспыхивали ракеты, пока туда не сброшены были бомбы. (...)

22 сентября. Я пока жива и могу писать дневник. У меня теперь совсем нет уверенности в том, что Ленинград не сдадут.

Сколько говорили, сколько было громких слов и речей: Киев и Ленинград стоят неприступной крепостью!! ... Никогда фашистская нога не вступит в цветущую столицу Украины, в северную жемчужину нашей страны - Ленинград. И что же, сегодня по радио сообщают: после ожесточенных многодневных боев наши войска оставили... Киев! Что же это значит? Никто не понимает. Нас обстреливают, нас бомбят.

Вчера в 4 часа ко мне пришла Тамара, мы пошли с ней гулять. Первым делом мы пошли посмотреть разрушенные дома. (...) Еще ужасней разрушения на Стрелькином переулке {51}. Там в одном месте разрушены здания по обеим сторонам переулка. Переулок засыпан обломками. Кругом ни одного стекла. Но страшней всего это вид одного здания: у него срезан весь угол и видно все: комнаты, коридоры и их содержимое. В комнате на 6-ом этаже у стенки стоит дубовый буфет, рядом маленький столик, на стене висят (это очень странно), висят старинные часы с длинным маятником. Спинкой к нам, как раз у той стенки, которая отсутствует, стоит диван, покрытый белым покрывалом. (...)

Потом мы с Тамарой стояли в булочной в очереди за газированной водой, потом сидели полчаса в бомбоубежище, потом полчаса спорили, кто к кому пойдет. Победила я, мы пошли ко мне. Тамара застряла у меня из-за В. Т. до 8-ми часов, мы с ней общими усилиями написали записку от меня Вовке. Дело в том, что этот негодяй снова по-свински поступил со мной: весь дом красит известкой чердак, за нашу долю чердака надо заплатить 15 рублей. Мы с мамой решили, что выкрасим сами. Я решила позвать на помощь своего товарища, тем более ему это не ново. Я пошла к нему, его не было дома, я оставила ему записку, которую передала его отцу. Я просила придти и помочь мне. Но он не пришел. Если бы он был занят, он мог бы забежать и сказать, что «я, мол, занят». Нет, непростительно. И даже если он был бы только знакомый (уж не говоря о товарище), то из рыцарского чувства, которое должно быть свойственно всем воспитанным мальчишкам его возраста, он должен был бы придти. Я написала ему очень крепкую записку и передала Тамаре для передачи ему. С Тамарой же мы сговорились, что, если будет ответ, она сама после 5-ти зайдет ко мне, если ответа не будет, я сама иду к ней.

Сегодня Тамара не пришла, я к ней тоже не пошла, так как все время воздушные тревоги. Вот я и не знаю, есть ответ или нет. А это весьма любопытно. По-моему, так: если Вова все же считает, что мы товарищи, и ему станет совестно за свое свинское обращение, то он, конечно, напишет ответ. Если эта записка явилась для него пустой бумажкой и ему нет до меня дела, ответа не будет. Хотя может быть и так: он покажет эту записку ребятам и они сообщат настрочат мне ответ. Но тогда такой ответ не будет для меня иметь никакой цены. (...)

4/X-41 г. Как давно я не писала. Но сегодня прорвалось. О Господи Боже мой, что с нами делают, с нами, ленинградцами, и со мной в том числе.

Я работаю в госпитале при Инст-те охраны материнства и младенчества им. Клары Цеткин. У нас, санитарок, суточное дежурство: с 9-ти утра до 9-ти утра следующего дня работаю, а потом сутки отдыхаю до 9-ти утра следующего дня. И так, я должна спать через ночь. Это очень тяжело, но еще терпимо. (...) Зато я в дни дежурств бываю сыта и получаю карточку первой категории с 400 гр. хлеба в день.

С того раза, как мы вечером сочиняли Вове записку и условились увидаться на другой день, я не видела Тамару. Вчера я написала ей записку и попросила Розалию Павловну передать ее Осе, чтоб он передал ее Тамаре. Так я до сих пор не знаю ничего о судьбе моего послания к Вове. Но я несколько не раскаиваюсь, что так резко написала ему.

Как-то во время В. Т. я разговорилась с Идой Исаевной о дружбе между мужчиной и женщиной. Ведь любить можно только одного, а помимо любви можно дружить со многими мужчинами. Ида Исаевна рассказывала мне, что когда ей было еще 17 лет, у ней были друзья из мальчиков. И до сих пор их дружба ничем не омрачается. Из класса они дружили впятером, двое девочек и трое мальчиков.

У нас тоже ведь двое девочек: я и Тамара, и трое мальчиков - Вова, Миша, Яня. Почему же мы не дружим - не знаю. Разве мальчики плохо к нам относятся - нет. Разве они неподходящие для дружбы - тоже нет, даже наоборот. Именно с таким типом мальчиков, как они, можно дружить. Но в чем же дело? Не знаю. Но, по-моему, мы не знаем, как подойти к друг другу. (...)

У нас с Тамарой мало кипучий характер. Мальчики тоже какие-то сухие. Между нами отношения какие-то натянутые, уж очень мы почтительны друг к другу. Да еще Яня не очень подходит. Такой профес-

сор, разве можно с ним дружить. Мы могли бы сдружиться, если бы у нас были простые, незатейливые отношения. Обыкновенные отношения между мальчиками и девочками. Если бы мы друг другу нравились. Если бы они заигрывали с нами. А мы держали себя. (...)

12 октября. Я уже совсем свыклась с работой. Больные меня любят. 8-ого впервые увидела мертвого. В этот день в нашем отделении умерли сразу двое: женщина, она беременна была и ранена в живот. Мужчина, он умер от газовой гангрены. Я совсем не боюсь мертвых. Мне только до слез их жалко. Особенно мужчину, ведь еще недавно я видела его живым, он, как и другие, улыбался, курил папиросу, и лицо его мне очень понравилось, такой молодой, симпатичный. Потом его взяли в перевязочную, и там его продержали часов 5. Наконец его вывезли в коридор, и я узнала, что его повезут в операционную отрезать ногу. Он лежал и улыбался, потом его увезли. А когда его привезли, его нельзя было узнать, он тяжело дышал, мучительно стонал, бледный, трепещущий. Вот каким я его помню перед смертью. А потом меня погнали за кислородом в аптеку. И вот я прибегаю, мне встречается в коридоре врач и говорит: «Мухина, можете не торопиться, кислород больше не нужен, он умер». Я не верю своим ушам, вбегаю в свое отделение, а он уже лежит, вынесен из палаты, лицо простыней прикрыто. Жутко. (...)

16 октября. Наступила зима. Вчера выпал первый снег. Немцы непреодолимой стеной напирают на нас. Страшно посмотреть на карту. Последние сведения удручающие. Наши войска оставили Мариуполь, Брянск, Вязму. Напряженные бои идут на Калининском направлении. Ну, это уже значит, что Калинин можно считать взятым. Ведь это жуть что делается. Вязма в 150 км от Москвы. Значит, немцы в 150 км от Москвы. Сегодня по радио впервые объявили: «На Западном фронте положение тяжелое. Немцы сконцентрировали огромное количество танков и мотомеханизированной пехоты и прорвали нашу оборону. Наши войска, неся огромные потери, отступили». Вот что сообщило нам радио. Никогда еще нам ничего подобного не сообщали.

Настроение подавленное. Начинает казаться, что нам уже не суждено увидеть светлые дни. Не суждено дожить до светлого, радостного мая.

Немцы, наверно, превратят Ленинград в развалины, потом займут его. Мы все, кто успеет убежать, будем жить в лесах. И там мы умрем, или замерзнем от холода, или умрем от голода, или нас убьют.

Да, наступила страшная зима, холодная и голодная для многих тысяч людей. Сегодня ко мне придет Тамара, и мы с Акой будем заниматься по-английски. Завтра я опять иду на работу. Там тоже не легче. Умерла Анечка и еще две женщины. Я почти все прошлое дежурство сидела у постели одной умирающей. (...)

Сегодня во сне и вчера днем, когда спала, мне все снился Вовка. Как будто он пришел ко мне совсем раздетый, голодный и я его накормила, одела, и он меня очень благодарил и сказал, что только теперь очень осознает, что такое настоящий друг. А потом за мной кто-то бежал с ножом. И меня уже совсем настигали, это было в саду осенью, вдруг вижу, идут Вовка с мальчишками, и он подставил моему преследователю подножку, и я была спасена и еще, и еще что-то. (...)

11. XI. Уже ноябрь. Везде лежит снег. Мороз. Я хожу в школу, учусь, и все, что мне пришлось пережить в октябре, кажется мне сейчас тяжелым сном. Даже трудно себе представить, что еще совсем недавно я вставала в 6 часов. Без четверти семь мы с мамой уже выходили из дому. Холодно, темно. Потом трамвай, битком набитый народом, проходная, сад с протоптанной напрямик тропинкой. Я раздеваюсь, и вот я уже в белом халате, в белой косынке... Вот они, больные, судна, судна, понукания: Лена, иди туда, Лена, иди сюда, Лена, сбегай в аптеку, Лена, сбегай в лабораторию, Лена, отнеси мочу на анализ. Да, это не сон, это правда. Я зарабатывала деньги. И вдруг меня уволили. И вот я опять в школе. (...)

Итак, все кончено. Вова, мы знали друг друга и расстались. Все рассеется как дым, и мы забудем друг друга, и, только когда ты как-нибудь будешь просматривать альбом с фотокарточками, ты вспомнишь, что была когда-то такая Лена Мухина, простодушная девочка, и улыбнешься, прочтя на обороте фотокарточки: «Гадкому утенку от Лены». Может быть, судьба еще где-нибудь столкнет нас с тобой, но, Вова, я тебя никогда не забуду.

Пусть ты самый последний негодяй на земле. Низкая тварь, недостойная внимания. Но нет, ты первая моя любовь, ты тот мальчишка, который первый, сам того не зная, зажег у меня что-то в душе, и это что-то будет гореть во мне, пока я жива, то ярко вспыхивая и обдавая все мое существо горечью досады и обиды на что-то, то медленно тлея. Ты для меня самый дорогой человек на земле. Будь же счастлив в своей жизни, не ведай никаких забот и печалей.

Дай Бог тебе всего наилучшего.

Прощай, Вовка!

Прощай.

Фу ты, я совсем разнервничалась. И стоит ли. Найдутся другие мальчишки, другие ребята. (...)

16/XI. Опять воздушная тревога. Как половина восьмого вечера, так пожалуйста, немец тут как тут.

Сегодня день прошел как-то гадко. Ака ушла искать чего-нибудь съедобного в 9 часов утра и пришла только в 5 часов. Мы с мамой уже смирились с мыслью, что Ака ничего не достала и мы не будем вообще сегодня обедать, и вдруг Ака явилась, и не с пустыми руками, а со студнем. Принесла 500 гр. мясного студня. Мы сразу сварили суп и поели горячий суп по две полных тарелки. Как мы сейчас живем, еще сносно, но если положение ухудшится, то не знаю, как мы это переживем. Раньше, еще сравнительно совсем недавно, мама могла получить у себя на работе суп без карточки, и у нас в школе уже первый раз дали суп. Но на другой же день вышло постановление о том, что суп давать тоже по карточкам.

150 грамм хлеба нам явно не хватает. Ака утром покупает себе и мне хлеба, и я до школы почти все съедаю и целый день сижу без хлеба. Прямо не знаю, как и быть, может быть, лучше поступать так: через день в школьной столовой брать второе на 50 грамм по крупяной карточке и в тот день хлеба не брать, а в другой день питаться 300 граммами хлеба. Надо будет попробовать. А вообще, самочувствие неважное. Все время внутри что-то сосет. Скоро, 21-ого этого месяца, у меня день рождения, мне исполнится 17 лет. Как-нибудь отпраздную, хорошо, что это первый день третьей декады, так что конфеты будут обязательно. Как хочется поесть.

Когда после войны опять наступит равновесие и можно будет все купить, я куплю кило черного хлеба, кило пряников, пол-литра хлопкового масла. Раскрошу хлеб и пряники, оболью обильно маслом и хорошенько все это разотру и перемешаю, потом возьму столовую ложку и буду наслаждаться, наемся до отвала. Потом мы с мамой напекем разных пирожков, с мясом, с картошкой, с капустой, с тертой морковью. И потом мы с мамой нажарим картошки и будем кушать румяную, шипящую картошку прямо с огня. И мы будем кушать ушки со сметаной и пельмени, и макароны с томатом и с жареным луком, и горячий белый,

с хрустящей корочкой батон, намазанный сливочным маслом, с колбасой или сыром, причем обязательно большой кусок колбасы, чтобы зубы так и утопали во всем этом при откусывании. Мы будем кушать с мамой рассыпчатую гречневую кашу с холодным молоком, а потом ту же кашу, поджаренную на сковородке с луком, блестящую от избытка масла. Мы, наконец, будем кушать горячие жирные блинчики с вареньем и пухлые, толстые оладьи. Боже мой, мы так будем кушать, что самим станет страшно. (...)

21 ноября 1941 года. Вот и наступил мой день рождения. Сегодня мне исполнилось 17 лет. Я лежу в кровати с повышенной температурой и пишу. Ака ушла на поиски какого-нибудь масла, крупы или макарон. Когда она придет, неизвестно. Может быть, придет с пустыми руками. (...) Пришла ко мне Тамара и... и ничего не принесла. Дело в том, что вчера я дала ей свои карточки на крупу и мясо и просила сегодня взять в нашей школьной столовой обед, а именно 2 вторых на крупу, и если еще можно, то и на мясную карточку 2 котлетки или 2 порции колбасы, что будет. Она обещала.

У нас сегодня с Акой была вся надежда только на то, что принесет Тамара. Мы решили из второго, будь это каша, или макароны, или что-либо другое, Ака сделает прекрасный густой суп, 2 кастрюльки, а котлеты мы разделим на 3-их как ради праздника, будем кушать бутерброд с котлетой. И вдруг, о ужас! Тамара приходит и ничего не приносит, ничего, ни второго, ни супа, ничего... Рассерженная, надутая, она клянется, что никогда, ничего, никому больше не будет обещать, ничего не будет делать. Из ее рассказа я понимаю только то, что она 2 переменки стояла в очереди и ей не хватило. Второе кончилось, тогда она купила одну порцию супа и пролила его. Как ей это угораздило его пролить, я до сих пор не понимаю. Но только я одно понимаю, что это все ужасно.

Скоро придет Ака, замерзшая, усталая и, наверно, с пустыми руками. Тогда гроб. Она узнает, что Тамара ничего не принесла, и я не знаю, как она это переживет. А потом придет мама, усталая, голодная, она постарается придти сегодня пораньше, она знает, что у меня сегодня день рождения, и, Боже мой, что будет, если Ака не успеет ничего сострять. (...)

Дорогая, золотая мамочка придет голодная. Я прижму ее к своему сердцу, крепко, крепко обниму и скажу ей о постигшем нас горе. И она, я думаю, не будет сердиться. Ведь она что-нибудь, наверно, там поест.

Только бы она не сердилась, не омрачала моего праздника. Больше мне ничего не надо. Мы выпьем по рюмке вина, а потом будем пить чай с конфетами.

Только бы не ссориться, только бы все было тихо и мирно. Вот в чем мое горячее желание. (...)

22/XI. (...) Моя плитка, красивая плитка настоящего английского шоколада, где ты? Почему я тебя съела? Такая нарядная, только и любоваться тобой, а я тебя съела. Какая я свинья. Теперь только одна надежда, т. е., вернее, одно утешенье, если мама пожелает поделиться с нами, то я получу еще одну плитку. И я не буду ее есть, нет, Боже сохрани. Я буду ею только любоваться и съем ее только тогда, когда у мамы не останется ни крошки шоколада.

Сейчас я перечла опять весь свой дневник. Боже, как я измельчала. Думаю и пишу только о еде, а ведь существует, кроме еды, еще масса разных вещей. (...)

Вчера я просмотрела свои открытки. Какие раньше выпускались красивые открытки с разными видами, а теперь выпускают такие неаккуратные открытки, без всякого старания, без всякой заботы. Пересмотрела я и все открытки с письмами для меня на обратной стороне, которые присылала мне мама из Пятигорска три года тому назад.

И я вспомнила, что когда-то мы с мамой мечтали, да и не так уж давно, еще прошлой зимой, поехать на пароходе по Волге. Узнавали, высматривали, сколько все будет стоить. Я помню, мы с мамой твердо решили поехать куда-нибудь летом путешествовать. И это от нас не уйдет. Мы с мамой сядем еще в мягкий вагон с голубыми занавесочками, с лампочкой под абажуром, и вот наступит тот счастливый момент, когда наш поезд покинет стеклянный купол вокзала и вырвется на свободу, и мы помчимся вдаль, далеко, далеко. Мы будем сидеть у столика, есть что-нибудь вкусное и знать, что впереди нас ждут развлечения, вкусные вещи, незнакомые места, природа с ее голубым небом, с ее зеленью и цветами. Что впереди нас ждут удовольствия, одни лучше другого. И мы скажем, смотря, как уплывает вдаль назад Ленинград. Тот город, где мы столько пережили, столько перестрадали, где мы сидели голодные в холодной комнате и прислушивались к грохоту зениток и гулу вражеских самолетов. И мы отмахнемся от этих воспоминаний как от тяжелого кошмарного сновиденья и переведем взгляд вперед, туда, вдаль, куда мчит нас краснорозовый экспресс. (...)

27.XI-41 г. Тревога кончилась без 5 минут 6. Но в 1/2 7-ого начался артиллерийский обстрел. Мама пришла пешком. Сейчас слушали статью академика Орбели, из которой узнали, что немцы расхитили петергофские и пушкинские сокровища. Они распилили Самсона, увезли в Германию, а также разорили Янтарную комнату в Пушкине и тоже увезли в Германию. Германскому народу придется хоть из-под земли достать нам янтарь для реставрации Янтарной комнаты.

У меня последнее время что-то такое творится в душе, что я сама ничего не понимаю. Мало желаний, предположений, вопросов, столько мыслей, и все они свились клубком, шевелятся, и никак их не распутаешь. Хоть бы ухватиться за какой-нибудь конец. (...) И главное, поделиться не с кем. Мама? Домой придет, поест и спать ляжет. Ведь она сейчас так устает. Тамара? Но как с ней поделиться и что она поймет из того, что я ей скажу, да и о чем делиться. Ведь во мне одна пустота, сущая пустота. Я ничего не понимаю, вернее, я все понимаю, только не знаю, что понимать.

Я никак не могу забыть Вовку, он мне каждый день снится. Неужели я его действительно любила, я никак себе не могу дать отчета. И почему я не могу познакомиться ни с одним мальчишкой из нашего класса. (...)

7/XII. (...) По радио играет симфония, а за окном грохают залпы. Это проклятые немцы производят очередной обстрел Ленинграда. А ночью опять завоет зловеще сирена и опять содрогнется дом от близкого разрыва бомб. Смерть все время висит над каждым из нас, и мы так к этому привыкли, что перестали это замечать или, вернее, просто не хотим это замечать. (...)

18 декабря. (...) Со школой у меня дела, можно сказать - дрянь. Геометрию я запустила, по алгебре по контрольной получила плохо. Черчение запустила. По химии получила отказ. Ну это все равно что единица. Только вот по немецкому имею хорошо да по истории. В субботу буду делать по истории доклад о Гангутском сражении и, может быть, получу по истории отлично. По литературе сочинение написала на плохо. Масса грамматических ошибок, да и само сочинение неважное. Завтра можно будет писать снова. Я думаю, что надо попытаться счастья, авось напишу на хорошо. Но и так, если я писать второй раз не стану, двойки мне в четверти не будет, у меня там четверка стоит. Очень обидно было слышать от учительницы по литературе, что она обманулась во мне, что считала меня лучше, чем я есть на самом деле. Что я одна из

наиболее антисоветски настроенных. Нет, она в этом не права, я в душе Советский Школьник, но на деле действительно этого про меня сказать нельзя, потому что я сейчас очень распускаюсь, мне лень собраться с силами, я слишком много думаю о себе. Вот ведь скоро кончается первая четверть, а я совсем не учу уроки, страшно запускаю материал, и, конечно, это мне не пройдет даром. Я своими плохими успехами очень огорчу маму. Конечно, можно сослаться на то, что учиться трудно. Но кто же это отрицает. Вот в том-то и мог бы проявиться мой патриотизм, что я, несмотря на трудности, наперекор всему прилагала бы все усилия к тому, чтобы хорошо учиться.

А то, что же выходит! Разговоры, мечты о том, что я буду достойна звания Советского гражданина, все пустая болтовня. Первые же испытания на моем пути сломили меня, согнули. Я сдалась. Я тряпка. Трудности испугали меня. Я кутаюсь в сто одежек и ничего не делаю, зря ем хлеб и только ною - холодно, холодно.

Да, холодно. Но разве холод - это такая вещь, которую нельзя преодолеть? Нет, холод можно преодолеть. (...)

25/ХП. Какое счастье, какое счастье! Мне хочется кричать во все горло. Боже мой, какое счастье!

Прибавили хлеб! И еще сколько. Какая разница: 125 грамм и 200 грамм. Служащие и иждивенцы 200 грамм, рабочие 350 грамм.

Нет, это просто спасение, а то за последние дни мы так все ослабли, что еле передвигали ногами. А теперь, теперь и мама, и Ака выживут. Вот в чем счастье, а еще в том, что это является началом начинающегося улучшения. Теперь начнутся улучшения.

Новый год мы встретим весело. С хлебом, с конфетами, с шоколадом, с вином. Ура, ура и еще раз ура. Да здравствует жизнь.

27/ХП. У меня еще руки не сгибаются, хотя я уже давно пришла. Я пришла из театра. Сегодня я снова была в театре. Смотрела и слушала постановку театра драмы «Дворянское гнездо». Мне было очень хорошо, я бы каждый день ходила бы в театр, но все-таки я больше в театр этой зимой не пойду. Потому что каким маленьким кажется удовольствие по сравнению с тем мучением, которое представляет возвращение домой. (...)

2 января 1942 года. Давно я уже не бралась за перо. Сколько всего произошло за это время.

Наступил новый, 1942-ой год. Теперь мы с мамой одни. Ака умерла.

Она умерла в день своего рождения, в день, когда ей исполнилось 76 лет. Она умерла вчера, 1-го января, в 9 часов утра. Меня дома в это время как раз не было. Я ходила за хлебом. Когда я пришла из булочной, меня очень удивило, что Ака так тихо лежит. Мама была, как всегда, спокойна внешне и сказала мне, что Ака спит. Мы попили чаю, причем мама отрезала мне от Акиной порции кусочек, сказав, что Ака все равно не съест столько. Потом мама предложила мне пойти вместе с ней в театр за обедом. Я охотно согласилась, потому что мне было страшно одной оставаться с Акой. А вдруг она умрет, что я буду делать. Я даже боялась, что мама попросит меня поухаживать за Акой, пока она будет ходить. А мне не хотелось даже подходить к Аке, потому что мне было очень тяжело видеть, как она умирает. Я привыкла видеть Аку на ногах, дорогую, милую, хлопотливую старушку, всегда она была чем-нибудь занята. А тут вдруг Ака лежит беспомощная, худая как скелет и такая бессильная, что даже ничего у ней в руке не держалось.

Такую Аку я не хотела видеть, и поэтому я охотно пошла вместе с мамой. Мама закрыла дверь на ключ и отнесла его в комнату к Саше.

- Мама, зачем же ты Аку-то закрыла, а вдруг ей что-нибудь будет нужно.

Но мама мне ответила, что Аке уже больше ничего не нужно. Что Ака умерла. (...)

По словам мамы, она умерла очень тихо. Как замерла. Похрипела, похрипела и затихла. А перед этим, в новогоднюю ночь, ей было очень плохо, и мама все время подходила к ней. Я же спала, но сквозь сон я слышала, как кто-то мучительно стонет.

Мы с мамой остались одни. У меня никого больше нет, кроме мамы Лены, а у ней - никого, кроме меня.

Теперь мне надо беречь маму, как никогда. Ведь она для меня все. Если она умрет, я пропала. Куда я одна пойду? Что буду делать? А ведь мама сейчас живет почти только одним своим духом. Дух у ней сильный. Она знает, что ей нельзя свалиться, потому что у нее я. (...)

8/1. Положение наше с мамой очень тяжелое. До конца первой декады осталось еще 2 дня, а у нас в столовых ни на мою, ни на мамину карточку ничего больше не дают. Так что эти два дня должны питаться только той тарелкой супа, которая мне полагается. Правда, мы можем еще получить 3 мясные котлеты, но неизвестно еще, будут ли вообще котлеты. (...) Такая обида: сегодня я 3 часа стояла на улице в очереди за

вином, и, когда до двери оставалось человек 8, вино кончилось. Зря я только измерзлась. У меня так замерзли ноги, что я шла домой и ревела. Стоять я больше не могла, я чувствовала, что если еще останусь стоять, то упаду и умру. (...)

10 января. Конец первой декады. А в магазинах по-прежнему пусто. Люди не получили еще продукты за вторую и третью декаду за прошлый год.

Мы слабеем с каждым днем. Мы стараемся с мамой как можно меньше тратить энергии, побольше сидим и лежим. Это очень хорошо, что мы не учимся пока. Сейчас не до ученья, когда жизнь чуть теплится в тебе.

Наши школьные каникулы продлены до 15-го, но говорят, что их еще продлят. Не знаю, по какой причине это делается, но, так или иначе, это как нельзя кстати.

Я очень беспокоюсь за маму. Как она должна себя чувствовать, если я уже начинаю шататься от слабости. Вот совсем, не преувеличиваю, когда я сижу долго, а потом хочу встать, мне надо сделать большое усилие мышц, чтобы встать. А когда с постели встаешь на горшок, ноги подгибаются и не хотят тебя держать. На улице я стараюсь идти быстро и преодолеть нужное расстояние одним махом, если же замедлишь шаги, то ноги начинают заплетаться. (...)

Вчера тетя Саша поделилась с нами своим изобретением. Может быть, мы ей за это обязаны будем жизнью. А дело вот в чем.

Вчера мама за чем-то пошла к ней и возвратилась веселая и радостная. Оказывается, тетя Саша дала ей попробовать студня, сделанного из высшего сорта столярного клея, и дала ей одну плитку этого клея, чтобы мы тоже попробовали. Мама сейчас же принялась за дело. Вскипятила воду, примерно две тарелки, и распустила всю плитку, потом все это прокипятила и разлила по тарелкам, поставив на окно. Утром в 6 часов мы проснулись и увидели, что наш студень готов. Обеим нам он очень понравился. Мне лично очень. А когда мы прибавили немного уксуса, это было замечательно. Вкус мясного студня, так и кажется, что вот сейчас тебе в рот попадет кусочек мяса. И совсем не пахнет столярным клеем. Этот студень совершенно безвреден, наоборот, он очень питателен. Ведь высший сорт столярного клея делается из копыт и рогов домашних животных. А ведь некоторые специально покупают самые ножки с копытами молодых животных и делают рагу и студень. Таким

образом, у нас с мамой есть широкая возможность получать без карточки добавочное питание.

У мамы в театре есть точно такой клей. Она как раз недавно выписала для работы себе из кладовой 4 кило, это приблизительно 20 плиток, а 1 плитка - это 3 полных тарелки. Мама постарается выписать еще такого клея, и мы будем обеспечены на месяц вкусным, питательным студнем по полной тарелке в день.

Но говорит русская пословица «голь на выдумки хитра», я уже придумала и разработала дальнейшие пути применения этого студня. Если в тарелку еще горячего клея положить повидлы, сиропы, вина и еще что-нибудь в этом роде, то, когда все это застынет, получится прекрасное желе (из вина и сока), а с повидлой, а еще лучше джемом, если их положить побольше, должен выйти своеобразный мармелад, то есть сладкая масса, которую можно будет резать ножом на кусочки и пить с чаем. (...)

29/I. Давно не писала. Все как-то не выбрать время. Мы два дня: 27 и 28 сидели без хлеба. Почти ни в одной булочной не было хлеба. Говорят, этот перебой в хлебе произошел по причине той, что вследствие сильного мороза на хлебозаводе лопнули трубы.

Так или иначе, мы сидели 2 дня без хлеба и без обеда, питаюсь только одним супом из школы и студнем. Мама так ослабла, что еле ходит. Но, о счастье, вчера я получила вместо хлеба пшеничную хорошую муку, 975 гр., и мама совсем ожила. Мы сразу сделали суп-болтушку и лепешки. Если и завтра не удастся достать хлеба, мы опять возьмем мукой. Сегодня потеплело, идет снег. В доме 17 пошла вода. Сегодня стояла там в очереди и достала воду. А то последнее время стояли такие морозы. Воду брали из проруби с Фонтанки.

Не знаю, проживем ли мы. Мою маму совсем подкосили эти два ужасных дня. Она очень ослабла, но крепка духом. Она хочет жить, и она будет жить.

8/II. Вчера утром умерла мама. Я осталась одна. (...)

11/II. Сегодня прибавили хлеба. Утром я с дворничихой отвезла маму на улицу Марата.

Мы везли маму по той же самой дороге, по которой еще месяц тому назад мы с мамой везли Аку. И, как и тогда, когда мы сегодня везли маму, была метель, а потом, днем, сияло солнышко. Потом мы с дворничихой пошли в булочную. Я получила 600 гр. хлеба, 300 отдала ей. Потом я пошла в школу, получила тарелку пшеничного супа и порцию

пшенной каши со сливочным маслом. Пришла домой, напилела дров, разогрела обед, поела хлеба и почувствовала, что больше ничего не в силах делать. Хотела пойти за водой, помыть посуду, но, вероятно, сегодняшней день меня так истомил, не столько физически, сколько нравственно, что я совершенно ничего больше делать не могу. Вчера я продала 6 плиток клея, по 15 рублей плитка. Получила 90 руб. Сейчас у меня 99 рублей 60 коп. За комнату, оказывается, мне ничего не дадут. Ида Исаевна принесет мне рублей 100, не больше. 50 рублей я отдам Иде Исаевне за времянку.

Вчера я топила большую печку, и у меня в комнате было +12 градусов тепла. Печка была почти доверху каленая. Завтра я получу 600 гр. хлеба, подумать только. Сейчас я ничего больше делать не буду, а лягу спать. Утро вечера мудренее. Как тяжело одной! Ведь мне еще только 17 лет. Я совсем неопытна в жизни. Кто мне даст теперь совет? Кто меня будет теперь учить, как жить? Кругом чужие люди, никому до меня нет никакого дела. У всех свои заботы. Боже, как же я одна буду жить. Нет, я не представляю. Но жизнь сама будет мне диктовать, что делать, и потом, у меня есть еще один близкий человек - Женя. Она мне поможет, это бесспорно. Но до нее надо еще сперва добратся.

Мамочка... (...)

13/II. Когда я утром просыпаюсь, мне первое время никак не сообразить, что у меня действительно умерла мама. Кажется, что она здесь, лежит в своей постели и сейчас проснется, и мы будем с ней говорить о том, как мы будем жить после войны. Но страшная действительность берет свое. Мамы нет! Мамы нет в живых. Нет и Аки. Я одна. Прямо непонятно! Временами на меня находит неистовство. Хочется выть, визжать, биться головой об стенку, кусаться! Как же я буду жить без мамы. (...)

5/III. Скоро женский день. Стоит солнечная морозная погода. Хлеба еще не прибавили. Когда подумаешь, сколько уже пережито, прямо страшно становится и радостно, самое тяжелое позади. Я это пережила и одна из всех нас 3-ех осталась в живых. Если бы продовольственное улучшение запоздало бы еще на полмесяца, то и я бы вслед за Акой и мамой отправилась бы на Марата, 76. Марата, 76! О, какой зловещий адрес, сколько тысяч ленинградцев узнали его. Я осталась жива и хочу жить. Для этого я не должна здесь оставаться. Мне надо пробратся в Горький к Жене.

Вчера Раиса Павловна, моя соседка, отдала мне открытку, которую, как и еще несколько писем, принесли из жакта, где она давно валялась. Не знаю, как попала эта открытка в жакт. Открытка оказалась от Жени от 19/1. Женя в ней пишет, что очень беспокоится, почему нет ответа, вот уже какое письмо пишет. А адрес-то: Горький, пер. Могилевича, а я-то, дура, писала совсем ведь по другому, старому адресу. Вот почему моя телеграмма не дошла.

Теперь план моих действий таков: пошлю Жене новую телеграмму, а потом буду стараться пробраться в Горький. Для этого пойду к Кире, к Гале. Если же я здесь останусь, то мне будет очень тяжело. Работать сейчас мне очень трудно, я очень ослабла, если же я останусь безработной иждивенкой, то меня замучают трудовой повинностью. Начнется весна, потеплеет, растают нечистоты, работы будет много, а может, еще на кладбище погонят, мертвцов закапывать, а самих замучают. Нет, мне надо к Жене. (...) Нет, нет, мне надо уезжать! Я напишу такую телеграмму: Я осталась одна. Ака и мама умерли. Можно к тебе? Скорей ответь.

Только я осталась жить. Умерли Ака и мама. Я очень ослабла.

Умерли от истощения Ака и мама. Жить очень трудно. Я ослабла. Женя! Можно к тебе.

Ака и мама умерли. Женюша, можно к тебе?

Сердце разрывается, когда начинаю вспоминать о маме. Мне все кажется, что мама только ненадолго уехала по своим делам и скоро вернется. Как хочется кушать. Неужели не прибавят хлеба? Как надоело влачить это полуголодное существование, а работать, работу мне сейчас не вынести, очень ослабла. К Жене, только к Жене, там спасение.

Мамочка, мамуся, ты не выдержала, ты погибла. Мамуля, мамончик, милый дружочек мой. Боже, как жестока судьба, ты так хотела жить. Ты умерла мужественно. У тебя был очень сильный дух, но, к сожалению, очень слабое тело. Мамуля, ты умерла, слабела с каждым днем, но ни одной слезинки, ни жалоб, ни стонов, ты старалась ободрить меня, даже шутила. Вспоминаю, что 5-ого февраля ты еще встала. Пока я бегала по очередям, ты наготовила дров. После обеда ты спокойно сказала, что теперь приляжешь отдохнуть. Ты легла, попросила себя прикрыть своим пальто, и... и больше ты уже не вставала.

7-ого ты уже не вставала на горшок, а главное, вот что обидно: эти последние дни, 5, 6, 7 февраля, мама почти совсем со мной не разговаривала. Она лежала, закрывшись с головой, очень строгая и требователь-

ная. Когда я бросилась со слезами к ней на грудь, она отталкивала меня: «Дура, что ревешь. Или думаешь, что я умираю». - «Нет, мамочка, нет, мы с тобой еще на Волгу поедем». - «И на Волгу поедем, и блины печь будем. Вот давай-ка мы лучше на горшок с тобой сходим. Ну-ка, сними одеяло. Так, теперь сними левую ногу, теперь правую, прекрасно». И я снимала с кровати на пол ноги, когда я дотрагивалась только до них, это ужасно. Я понимала, что маме осталось недолго жить. Ноги - это были как у куклы, кости, а вместо мышц какие-то тряпки.

- Опля, - говорила весело она, силясь сама подняться. - Опля, а ну-ка, подними меня так.

Да, мама, ты была человеком с сильным духом. Конечно, ты знала, что умрешь, но не считала нужным об этом говорить.

Только помню, 7-ого вечером. Я попросила маму: «Поцелуй меня, мамуся. Мы так давно не целовались». Ее строгое лицо смягчилось, мы прижались друг к другу. Обе плакали.

- Мамочка, дорогая!

- Лешенька, несчастные мы с тобой!

Потом мы легли спать, т. е. я легла. Спустя немного времени слышу, мама меня зовет:

- Алеша, ты спишь?

- Нет, а что.

- Знаешь, мне сейчас так хорошо, так легко, завтра мне, наверно, будет лучше. Никогда я еще не чувствовала себя такой счастливой, как сейчас.

- Мама, что ты говоришь. Ты меня пугаешь. Почему тебе хорошо стало?

- Не знаю. Ну ладно, спи спокойно.

И я заснула. Я знала, что мама умрет, но я думала, что еще дней 5, 6 она проживет, но я никак не могла предполагать, что смерть наступит завтра. (...)

13/III. «Мороз и солнце; день чудесный...» Все сильнее и сильнее чувствуется приближение весны. Уже по-весеннему греет солнышко, от снега идет пар и плачут сосульки, хотя в тени еще мороз безжалостно щиплет за нос.

Я живу пока у Гали, ухаживаю за ее больным папой, помогаю, что могу, по хозяйству. Сегодня папе лучше, чем вчера, и мы с Галей не теряем надежды, что он поправится. У него на нервной почве расстройство

желудка, и он очень ослаб. Галя с Аликом уходит в 8 часов утра, а приходит в 6 часов вечера. Целый день я одна с ее папой. Он больше спит все. Я предоставлена сама себе, что хочу, то и делаю. (...)

18/III. Сегодня ночью скончался Галин папа. Такой хороший, такой добрый... (...)

10/IV-42. Как давно я не писала! С 4-го апреля. За это время произошло многое. Скажу только коротко, что я за это время, можно сказать, совсем было уехала к Жене, да опоздала всего лишь на 1 день. Сейчас эвакуация прекращена и возобновится вновь только после освобождения Ладожского озера ото льда. Все эти дни, до 6-го включительно, можно было свободно уехать, записавшись в тот же день. Об этом я узнала 6-го. В этот день я впервые пришла в эвакуопункт и встала на запись. Была очень небольшая очередь. Я решила, что запишусь на 7-е и завтра уеду. Но когда я узнала, что записывают только на этот же день, а на завтра будут записывать завтра, я ушла из очереди, так как ехать 6-го я не могла, у меня ничего еще не было собрано. Но я решила ни на один день не откладывать своего отъезда и завтра же уехать. Я решила за сегодняшний день продать, что смогу, за ночь уложиться и завтра пойти и записаться на 5-тичасовой поезд. (...)

Ночь я не спала, к утру вещи мои были собраны. И я решила так, завтра к самому открытию пойти в столовую и те крупяные талончики, какие можно будет.

И вот из-за этого-то я и не уехала. (...) Я встала в очередь в 5 часов и была 78. Если бы в этот день была бы запись, я, конечно, записалась бы и уехала, но записи опять не было. Мы простояли в очереди целый день, и нам объявили, что записи сегодня не будет и неизвестно, когда будет. Но мы, самые отчаянные, те, которые, как и я, уже все, все распродали, вещи сложили, расчет получили, даже некоторые уже и карточки сдали, мы решили, будь что будет, сидеть уж до вечера, а вдруг на какой-нибудь эшелон останется несколько свободных мест. Но потом нам громогласно объявили, что эвакуация вообще временно прекращена в связи с наступлением весенних теплых дней и большой перегрузки последних эшелонов. Нам ничего не оставалось делать, как разойтись.

Я вышла на улицу, шатаясь, едва добрела до дома. Был теплый солнечный весенний день. На солнышке было +13 градусов тепла. По улицам журчали бурные полноводные ручьи. Весело чирикали воробьи, а в ясном, голубом небе гудели краснокрылые птицы. Но меня не радовало

все это, а, наоборот, только злило. Если бы хоть немного подморозило, может, еще удалось бы уехать. Какая обида, все продала, всю комнату перевернула вверх дном, а главное - получила из Горького долгожданную телеграмму: «Выезжай. Женя. Ньюра». Совсем уж распростилась было с Ленинградом и вот, нате, пожалуйста, приехали! И теперь сижу опять на 300 гр. хлеба, крупа-то у меня вырезана.

Ну что ж делать. Такова уж моя судьба. Будем ждать мая. (...)

13 апреля. (...) Ведь подумать только! Сегодня уже 13-е апреля. Апрель, весна. Природа вся просыпается. А я и природы-то не вижу. Вот погоди, уеду в Горький, там еще теплее, там тоже и голубое небо, и то же, что и здесь, солнышко. Я, подумать только, увижу настоящую Волгу. Я смогу бродить по берегу Волги. Волга, Волга! Новые впечатления, новые люди, новые встречи, новая жизнь. Ой, скорей бы уехать из этого проклятого Ленинграда. Правда, это прекрасный, красивый город и я к нему сильно привыкла. Но не могу его больше видеть, а тем более любить. Город, где мне пришлось пережить столько горя, где я потеряла все, что имела. Город, где я осталась круглой сиротой. Город, где я познала весь ужас одиночества. Нет, этот город, его имя я буду всю жизнь вспоминать с содроганием в сердце. Скоро, скоро я уеду отсюда, и, надеюсь, навсегда. (...)

Я сегодня сложила свои вещи. Укладывала, перекладывала 100 раз, в конце концов получилось то, что я хотела. Две вещи: чемодан и сверток, причем сверток можно вложить в чемодан, и тогда у меня будет одна только вещь. Туда же, в чемодан, я уложила все приспособления для еды, и в чемодане еще есть свободное место. Но я его не буду заполнять, мало ли что придется положить. Хлеб, колбасу или какие другие продукты. Ведь подумать только, как обернулось все, даже сразу и не веришь. Осталась одна, уезжаю в другой город, 17 лет. И страшно, и сладко. Сладко, потому что я чувствую сейчас то, что никогда раньше не чувствовала. Чувствую полную свободу, свободу мыслей, действий. Я ничем ни с кем не связана. Что захочу, то и сделаю. Сейчас я переживаю очень ответственный момент в своей жизни. Я должна сама выбрать, как мне поступить, по какой жизненной дороге идти, выбрать раз и навсегда. Я могу остаться здесь, поступить работать, жить одной в своей собственной комнате. Это очень соблазнительно. Но я не могу вынести этого одиночества, быть окруженной чужими, равнодушными к тебе людьми. Нет, нет. Если бы я была немного старше, может быть, я и вы-

брала бы именно этот путь. Но я чувствую себя еще не совсем взрослой, но, конечно, и не ребенком. Нет, я чувствую, что мне еще рано жить совершенно самостоятельно, мне необходима пока еще помощь со стороны. И потом я хочу прижаться к кому-нибудь. Я хочу, чтоб хоть на немножко мне заменили бы заботу и любовь того любимого человека, которого у меня так безжалостно отняла судьба.

Я знаю, в семье у Нюры и Жени я не буду чужая. Я не должна ничем их стеснять, не предъявлять каких-либо требований. Это я прекрасно понимаю. Только временно я войду в их семью, буду сама зарабатывать деньги и вносить их в общий котел.

А со временем я должна буду постараться обзавестись своей собственной комнатой и жить самостоятельно, не мешая никому. Какое это будет хорошее время! Я должна во что бы то ни стало дожить до него! (...)

20 апреля. Сегодня поистине замечательный день. Не апрель, а настоящее лето. На солнце жарко, в тени 15 градусов тепла. И ветерок теплый. После 11-ти пошла я в чайную, купила там хлеба и выпила 2 стакана крепкого горячего чаю с хлебом и остатками джема. Потом пошла в столовую. Там такая молоденькая девушка Катя, которая талончики вырезает, поистине душа-человек, по-настоящему мои талоны еще не подходят, слишком дальние, но она дает, очень уж добрая она, зато ее все очень любят. В столовой я съела тарелку супа и мясное взяла. Уж очень мне понравилась эта печенка. Такая вкусная, кусочек порядочный, стоит 1 руб., и вырезают за нее 50 гр. мяса и 5 гр. масла, и не зря вырезают, потому что дают к порции печенки столовую ложку настоящего мясного соуса.

Из столовой я пошла домой, оставила дома кусочек печенки и оставшийся хлеб и пошла гулять, дошла до «Колосса», купила билет, и наконец-то я увидела картину «Шампанский вальс». Замечательная картина. Так вдруг захотелось так же, как и героини этой картины, пожить в роскоши, окружить себя таким же блеском и уютом. Так же как и они, развлекаться музыкой, танцами, различными гуляниями, разнообразными аттракционами. Ведь вот жизнь-то, роскошь, красивые женщины, разодетые по последнему крику моды женщины, обтянутые, прилизанные мужчины, рестораны, развлечения, джаз, танцы, блеск, вино, вино и любовь, любовь, бесконечные поцелуи и вино. Шумные, кричащие улицы, роскошные блестящие магазины, блестящие автомо-

били, рекламы, рекламы без конца. Рекламы везде, рекламы всюду, рекламы сверкающие, крутящиеся, кричащие. Грохот, шум, визг, просто какой-то вихрь, и во всем этом свой ритм.

Эта война надолго оторвала всех нас от всяких развлечений. А ведь если сказать правду, самое последнее время до войны мы стали во многом подражать американцам. Очень во многом. Нам, советским людям, очень нравится все заграничное. Ведь, по правде сказать, у нас нет ничего своего советского, все мы заимствовали у иностранцев. Мы любим шум и блеск, мы одеваемся по последнему слову моды, главным образом американской. Атракционы и различные развлечения также в большинстве своем американские. Аджаз. Какие любители джаза наша молодежь. Разные эти фокстроты, танго, песенки о любви на все лады. Реклама, особенно в последнее время, стала и у нас занимать значительное место. Реклама по радио под музыку в виде маленьких стишков. А на улицах у нас тоже было совсем как за границей. Чистота, порядок, на каждом шагу милиционеры, бессчетный поток легких, сверкающих автомашин. Троллейбусы. Блестящие, сверкающие магазины с изобилием разнообразных товаров. Эта война надолго выбила нас из колеи. Но я твердо уверена, кончится война, все понемногу снова войдет в старое русло и мы снова примемся усовершенствовать свою жизнь на манер заграничной, в особенности американской. (...)

Завтра буду сидеть без хлеба. Ну что ж, как-нибудь обойдусь. Сегодня вечером все что-то грохочут зенитки, а по временам такая трескотня начинается, что просто ужас.

Что-то будет завтра! (...)

22 апреля. Сегодня у меня на душе так тяжело, так тяжело. Сама не знаю почему, тоска меня грызет и гложет. Господи, кругом все чужие люди, чужие, все чужие и нет ни одного близкого. Все равнодушно проходят мимо, никто и знать меня не хочет. Никому нет до меня никакого дела. Вот весна наступила, вчера была первая гроза, и все идет своим чередом, и никто, кроме меня, не замечает, что мамы моей нет. Ее унесла с собой эта ужасная зима. Зима прошла, она вернется теперь не скоро, но мама не вернется ко мне никогда. Милая, дорогая, любимая Женя, пойми, как мне тяжело. (...)

Когда я увижу своих родных? Когда я смогу, наконец, сесть за обеденный стол с чувством, что ты тоже своя, не чужая, и кушать вместе с другими, а не только смотреть, как они кушают?! Боженька! Ниспошли

мне такую милость. Дай мне доехать до Жени, увидеть Лиду, Сережу, Даню, Нюру. Господи. Сделай это! Я молю Тебя!! (...)

30 апреля. (...) Я решила теперь писать свой дневник в новой форме. От 3-го лица. В виде повести. Такой дневник можно будет читать как книгу.

1 мая 1942 года. (...) Лена вспомнила Первое мая прошлого года. Со школой они дошли до Бородинской и тут застряли. Потом пошел снег, и такой густой, что моментально на улице стало ужасно мокро, грязь, слякоть. Понемногу улица опустела. Многие тогда удрали домой. Еще бы, люди оделись по-весеннему, женщины и девушки в легких пальто, мужчины и парни в пиджаках. Лена тоже была в осеннем пальто, без галош, но она сбегала домой и одела шубу и галоши. Лена вспомнила, что, когда она пришла домой, мама сидела, что-то шила, а Ака пекла в кухне пышки с изюмом. Лена очень торопилась, но мама все же уговорила ее подождать немного, и Лена поела первые горячие пышки. А на дорогу Ака дала ей немного изюма. Да, какое это было хорошее время. И тогда Лена не ценила его. Ей казалось, что такая жизнь - обыкновенное дело и ничего иначе быть не может. Ей казалось, что ничего особенного нет в том, что она имеет Аку и маму, что они в ней обе души не чают. Все для Аленушки, так называли они Лену. Кому лучший кусок, в чью тарелку наливали первой? Аленушке. А Аленушка это не чувствовала.

И вот только теперь, когда она потеряла и Аку, и маму, она действительно оценила всю свою прошлую жизнь. Что бы она ни отдала теперь, чтобы вернуть то время. Но его не вернуть, Аку и маму она никогда больше не увидит, разве только во сне.

Теперь, если ей удастся добраться до Жени, она будет как величайшую драгоценность ценить все то, что напоминает о семейной жизни. Один тот факт, что она будет иметь право сесть за стол вместе с Женей и Сережей и придвинуть к себе тарелку, даже один этот факт будет для нее величайшим счастьем.

Да, судьба по заслугам проучила ее, хотя уж очень сурово. И теперь, размышляя обо всем этом, Лена говорила себе: «Вперед тебе наука, будешь ценить каждую крошку, всему будешь знать цену, и легче будет тебе жить на свете». (...)

7 мая. (...) Лена села штопать чулки, как вдруг к ней в дверь постучали. Открыла, входит девушка, тоненькая, среднего роста, в очках, в коричневой меховой ушанке, в сапогах, одета в ватник и ватные штаны.

«Ты узнаешь меня» - а сама улыбается. Лена взглянула, да ведь это Верочка, Вера Милютина, товарищ и друг моей мамы.

Лена впустила ее в комнату, усадила на сундук, сама села рядом. Вера пробыла у Лены недолго, но за это время как много они успели рассказать друг другу. Лена вкратце рассказала обо всем. О том, как они жили этой зимой, сперва втроем, потом без Аки. Потом умерла мама. Вера хорошо поняла Лену.

- Бедная девочка. Как много тебе пришлось пережить. Но ничего, теперь осталось помучиться совсем немного, скоро ты уедешь, в дороге, дай Бог, все будет благополучно, приедешь к Жене, для тебя начнется новая жизнь.

Лене было так приятно, что во всем Ленинграде нашелся хоть один близкий человек, друг ее мамы.

Веру беспокоило, едет ли Лена одна или с кем-нибудь, но, когда Лена сообщила, что едет не одна, а со своей подругой-одноклассницей и с ее мамой, она успокоилась. Она спросила: «А как на вид Нинина мама, крепкая, не какая-нибудь слабенькая? Тебе нужно выбрать таких спутников, на которых ты могла бы положиться». Вообще, Вера очень подробно и заботливо расспросила Лену обо всем. Много ли она берет с собой вещей. Есть ли у ней пока деньги. Есть ли у ней друзья, помогает ли кто-нибудь ей. Очень просила первые два дня остерегаться много есть, не губить себя из-за какой-то каши.

Оказывается, в дороге многие люди заболевают и даже умирают только из-за того, что набрасываются на пищу и сразу очень наедаются, что оказывает губительное действие на организм, истощенный длительным недоеданием.

«Делай над собой нечеловеческие усилия, но воздержись, особенно хлеб. Ведь на вокзале тебе дадут кило хлеба, и некоторые в тот же день его съедают. Не делай этого. У меня один знакомый погиб в дороге, только из-за того, что объелся, объелся пшенной каши и съел много хлеба. Воздержись и других хватай за руки. Ведь прямо обидно, ничего не может быть глупее такой смерти. Спасись от бомбы, от снаряда, от 1000 смертей и погибнуть от лишней порции каши».

Верины слова глубоко запали в Ленину душу. Нет, она не хотела погибать так глупо, и она дала себе слово следовать ее совету и воздержаться первые два дня от соблазнительного обилия пищи. Нет, ей не хотелось умирать из-за каши. Лена почувствовала, что это будет му-

чительно трудно, но надо будет как-нибудь преодолеть и это препятствие. (...)

16/V-42 г. (От 15 мая.) Наступила прекрасная погода, солнышко, тепло, в тени 16 градусов тепла. Зеленеет травка, набухли почки. Весна в разгаре. Но немец не дремлет. Каждый день артиллерийские обстрелы, воздушные налеты по несколько раз в день.

Вот и сейчас страшный артиллерийский обстрел. Лена шла по Невскому. Она хотела променять на крупу купленные ею за 90 рублей 200 гр. хлеба. Как только начался обстрел, Лена перешла дорогу и укрылась в щели-траншее в Екатерининском сквере. Над ее головой беспрерывно, один за другим проносились с певичим свистом снаряды. Беспре-рывно грохотали разрывы. Было даже немного страшно. Даже щебетавшие все время птички приумолкли. В минуту затишья Лена выглянула из своего укрытия и поразилась картиной, представшей перед ней. Удивительно, до чего люди привыкли к тому, что их жизнь каждую минуту в опасности. Как будто никто и не заметил никакого обстрела. Ходили трамваи, мчались автомобили, люди шли, люди сидели спокойно на скамейках. Каждый был занят своим делом, и Лене даже стало как-то стыдно. Подумают еще, вот ненормальная-то, в траншею забралась, и она пошла домой. Кстати, и обстрел стал уже ослабевать и наконец совсем прекратился. (...)

25 мая. На днях я уеду. Сегодня идет первый эшелон. Киса сказала, что не исключена возможность, что я уеду завтра или послезавтра. Но я настолько уже ослабла, что мне все безразлично. Мозг мой уже ни на что не реагирует, я живу как в полусне. С каждым днем я слабею все больше и больше, остатки моих сил с каждым часом иссякают. Полное отсутствие энергии. Даже весть о скором отъезде не производит на меня никакого впечатления.

Честное слово, прямо смешно, ведь я не какой-нибудь инвалид, не старик или старуха, ведь я молодая девушка, у которой все впереди. Ведь я счастливая, ведь я скоро уеду. А между тем посмотрю на себя, на что я стала похожа. Безразличный, тоскливый взгляд, походка как у инвалида 3-ей степени, едва ковыляю, трудно на 3 ступеньки подняться. Из-за лишнего куса хлеба там еще чего-нибудь съестного я готова была идти хоть на край света, а сейчас я почти не чувствую голода, я вообще ничего не чувствую. Я уже привыкла, но почему я с каждым днем все слабею и слабею. Неужели же человек не может жить на одном хлебе. Странно. (...)